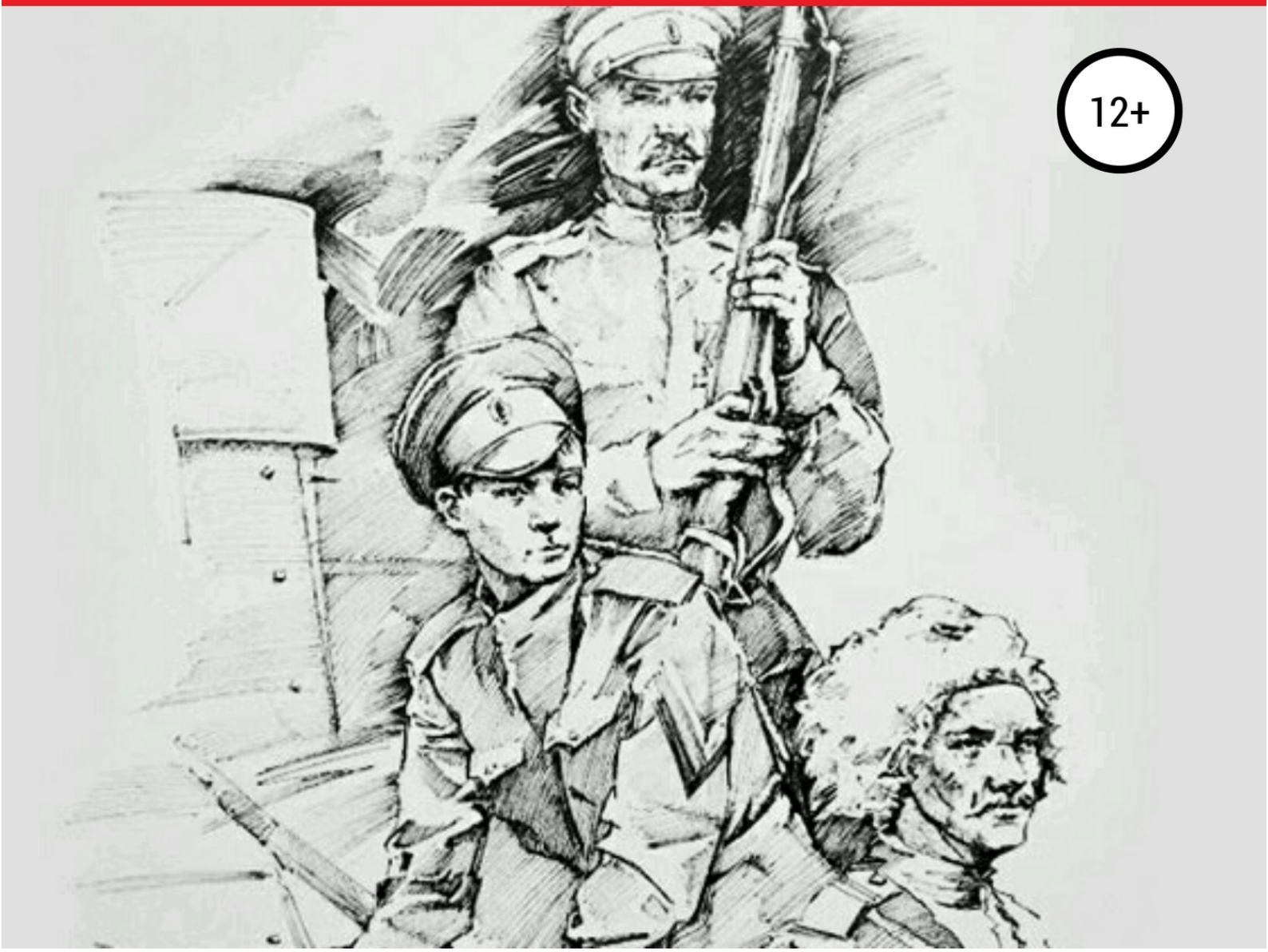
Анатолий Гусев



12+

Сквозь огонь и лёд

Хроника "Ледяного похода"

Анатолий Гусев

Сквозь огонь и лёд

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Гусев А. А.

Сквозь огонь и лёд / А. А. Гусев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-5320-9818-3

Русские против русских. Гражданская война. Что может быть страшней? Поход Добровольческой армии Л.Г. Корнилова от Ростова-на-Дону до Екатеринодара и обратно. Шли, в полном окружении, терпя холод и грязь, теряя друзей и командиров. Потомки победителей должны знать о мужестве побеждённых.

ISBN 978-5-5320-9818-3

© Гусев А. А., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

По военной дороге
Шёл в борьбе и тревоге
Боевой восемнадцатый год.
Были сборы недолги,
От Кубани и Волги
Мы коней поднимали в поход.
А. Сурков

Генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев 8 ноября 1917 года из Новочеркасска писал Михаилу Константиновичу Дитерихсу генерал-майору, квартирмейстеру ставки Верховного главнокомандующего: «Моя мысль, развитая и дополненная некоторыми прибывшими из центра деятелями, такая: юго-восточный угол России – район относительного спокойствия и сравнительного государственного порядка и устойчивости; здесь нет анархии, даже ярко выраженной классовой борьбы, кроме, в известной мере, угольного и рудного участков. Здесь естественные большие богатства, необходимые всей России, на Кубани и Тереке хороший урожай… Как от масляной капли отсюда начнет распространяться пятно желаемого содержания и ценности…»

Мысль в основе своей верная, но на данном отрезке времени абсолютно не правильная. Да, конечно, казаки ещё со времён Ивана Грозного верой и правдой служили царю и отечеству. Нет, были, конечно, отклонения типа восстания Степана Разина, Кондратия Булавина или Емельяна Пугачёва, но потом всё опять возвращалось на круги своя. Но к концу 1917, началу 1918 годов народные массы – не только казаки – были отравлены большевицкой пропагандой, длившейся несколько лет. Простой и понятный лозунг: «Фабрики и заводы – рабочим, земля – крестьянам!» и ещё добавили: «Мир – народам!» Да, война надоела: не понятно за что и очень долго. Но это не главное. А вот стать богатым в одночасье, вот это прельщало! Русский народ в массе своей трудолюбив и привык полагаться на себя, на свой труд, а тут предлагали землю, основу достатка. Спихнём с себя всех этих кровопийц помещиков и прочих, поделим землю по справедливости, будем на ней трудиться и заживём богато! Как трудиться? Если у тебя в семье жена и восемь девок, а девятая на подходе? Пара волов и пара рук! И как ты будешь много земли обрабатывать? Надорвёшься! Но об этом старались не думать. Будет земля, будет и достаток. А как, это потом разберёмся. Люди, большевики эти самые, кто землю делить призывает, чай, умные, учёные, подскажут.

А рабочие? Ну, возьмёшь ты этот завод себе, ну, сделаешь ты этот паровоз и что? Его продать надо. А что бы его сделать, надо купить металл, уголь и много чего ещё. И как всё это будет происходить? И рабочие об этом старались не думать – будут фабрики и заводы наши, а там разберёмся.

Как же сладко думать, что скоро ты будешь жить в достатке! А для этого надо-то всего-то ничего: скинуть буржуев разных, капиталистов и помещиков, всё поделить, и живи как в раю.

А те, кого собирались скинуть, думали: «Будь все сделано по-людски, я бы отдал им и землю, и дворянство, и образование, и чины, и ордена… Так нет же, кричат: «Бей его, мерзавца, бей офицера (сидевшего в окопах), бей его, помещика, дворянина, бей интеллигента, буржуя, выдавливай из него последние соки» – и, конечно, я оскорблен, унижен, истерзан, измучен. А зачем же из меня кровопийцу и мироеда делать?»

Рабочие и крестьяне (в том числе и казаки) думали, что Советская власть народная и трудовому люду ничего плохого не сделает. А остальные (интеллигенция и прочие мещане) ждали, чем дело кончиться, они же тоже народ и без них сложно будет обойтись, большевики же не малые дети неразумные, понимать должны.

В Екатеринодаре, 21 октября 1917 года был подписан Союзный договор «Юго-восточного союза казачьих войск и вольных народов степей» делегатами от казачьих войск юга России, горцев Северного Кавказа и калмыков Астраханской губернии. А так же было предоставлено право Азербайджану и казачьим войскам Уральскому и Оренбургскому, вступить членами в Союз по письменному о том заявлению. Представители Уральского войска договор подписали. Целью Союза называлось создание твёрдой государственной власти, содействие центральному правительству в борьбе с врагами. А так же подготовка и реорганизация внутренней жизни членов Союза, как штатов будущей Российской Федерации.

Алексеев был в восторге. Он дважды ездил в Екатеринодар, столицу Союза и даже был назначен главой союзных вооружённых сил, которых, правда, пока не было. Генерал искренне считал, что именно с Екатеринодара начнётся освобождение России от большевизма, который сейчас утверждается в центральных губерниях.

Лавр Георгиевич Корнилов, генерал от инфантерии, восторгов Алексеева не разделял. Он считал, что, во-первых: образование это очень уж рыхлое, попахивает сепаратизмом и внутренних врагов на территории Союза едва ли не больше, чем внешних. И, во-вторых: уж если где и возрождать Россию, так это в родной ему Сибири. Уж там-то лозунг большевиков «Земля – крестьянам» не сработает. Чего-чего, а земли там много. Но его убедили, что Екатеринодар ближе к Москве и Петрограду, чем Тобольск. И он согласился, на том основание, что если ему предоставят всю полноту власти над армией, в противном случае он уедет в Сибирь. А вот это уже не устраивало Алексеева. Всё-таки противовес большевицкой России создавать начал он. Но Корнилов упёрся.

Из Москвы от дипломатических миссий союзных держав поступило заявление, что кредиты будут предоставлены только в том случае, если Алексеев, Корнилов и атаман Войска Донского Каледин договорятся между собой. Пришлось договариваться. Алексееву предоставили гражданское управление, внешние сношения и финансы. Финансы состояли из его личных, генерала Алексеева, ста тридцати тысяч золотых царских рублей, которые он и тратил на армию. Корнилову предоставили военную власть, а атаману Каледину – управление Донской областью.

Союзники не спешили выделять деньги. Им надо было, что бы война с Германией продолжалась, а будут это большевики или их противники, им было безразлично.

В конце ноября 1917 года в Ростове-на-Дону вспыхнуло большевицкое восстание. Пролилась первая кровь.

В Новочеркасске в конце декабря 1917 года начали создавать Добровольческую армию. Создавалась она вяло. Офицеры, которых в Ростове-на-Дону находилось не мало (что-то около 16000), искренне считали, что их дело оберегать рубежи родины, а усмирять бунтовщиков – дело полиции.

Из Москвы и Питера и других областей центральной России в Новочеркасск и Ростов стекались несогласные с Советской властью. Железнодорожное сообщение, как не странно, между Москвой и Ростовом-на-Дону не прерывалось до середины декабря 1917 года. Из Москвы приехало и название – «Белая гвардия».

В Добровольческую армию вливалась в основном молодёжь: юнкера и гимназисты. Для них эта была бравада. Они нашивали белые кресты на форменные тужурки и представляли себя рыцарями, идущими в крестовый поход на большевиков. И только на одну треть армия состояла из военных, в основном офицеров, что вызывала недовольство Корнилова. «Дайте мне солдат, – говорил он, – у офицеров должно быть другое применение». Только где их взять? А у красных другая беда: рядовых много, а с командным составом худо.

Декабрь и весь январь не прекращались боевые столкновения белой и красной гвардии. И если у красной гвардии в боевых действиях участвовали полки, пусть и без командиров, но имевшие боевой опыт, то со стороны белых, это скорее партизанские отряды, правда, хорошо

обученные военному делу. И, невзирая на всю лихость белогвардейцев и их героизм в бою, сочувствие у местных казаков это не вызывало.

Белая гвардия терпела поражение за поражением – красногвардейцев было численно больше. Атаман Каледин с отчаянья застрелился.

Вечером 8 февраля 1918 года Корнилов подписал приказ:

«Ввиду наступления значительных сил противника и отсутствия помощи со стороны казаков, я решил части Добровольческой армии отвести к Аксаю.

Приказываю:

1. Частям Юнкерского батальона, отряда полковника Ширяева и морской роты, кадру Корниловского полка, общежитию лазарета № 8 и взводу артиллерии, сосредоточившись к Лазаретному городку, выступить в 20 часов под общим началом генерала Боровского и следовать по дороге севернее Нахичевани на станицу Аксай.

2. Партизанскому отряду полковника Симановского выступить в 20 часов, следовать кратчайшим путем и расположиться у пересечения железной дороги западнее станции Александровской у будки на грунтовой дороге из Нахичевани в Аксай, составить левый арьергард. Дальнейший отход по особому приказанию.

3. Георгиевскому и Корниловскому полкам со своей артиллерией выступить от восточной окраины станицы Гниловской и следовать через вокзал севернее Нахичевани на станицу Аксай.

4. Всем партизанским отрядам полковника Краснянского, отряду полковника Кутепова сняться в 21 час с позиций и, следуя севернее городов Ростова и Нахичевани, отходить на станицу Аксайскую, оставив дивизион полковника Гершельмана у будки на перекрестке дорог железной и грунтовой из Ростова, где войти в состав правого арьергарда генерала Боровского.

5. Отрядам полковника Борисова выступить с вокзала в 21 час 30 минут и следовать по дороге севернее Нахичевани на железнодорожную будку у перекрестка дорог шоссейной и грунтовой, ведущей из Ростова на Новочеркасск. Восточнее реки Кизеттеринки, где составить левый арьергард. Дальнейший отход по особому приказанию.

6. Отрядам генерала Маркова выступить в 21 час со станции Заречная и следовать на станицу Ольгинская.

7. Я буду следовать при колонне генерала Боровского.

Генерал Корнилов».

И вечером 9 февраля 1918 года начался первый поход Добровольческой армии на Екатеринодар.

1

Так стоило ль нам затевать этот спор?

Как выйти из чёртова круга?

Кто это придумал, с каких это пор

Мы режем и рубим друг друга?

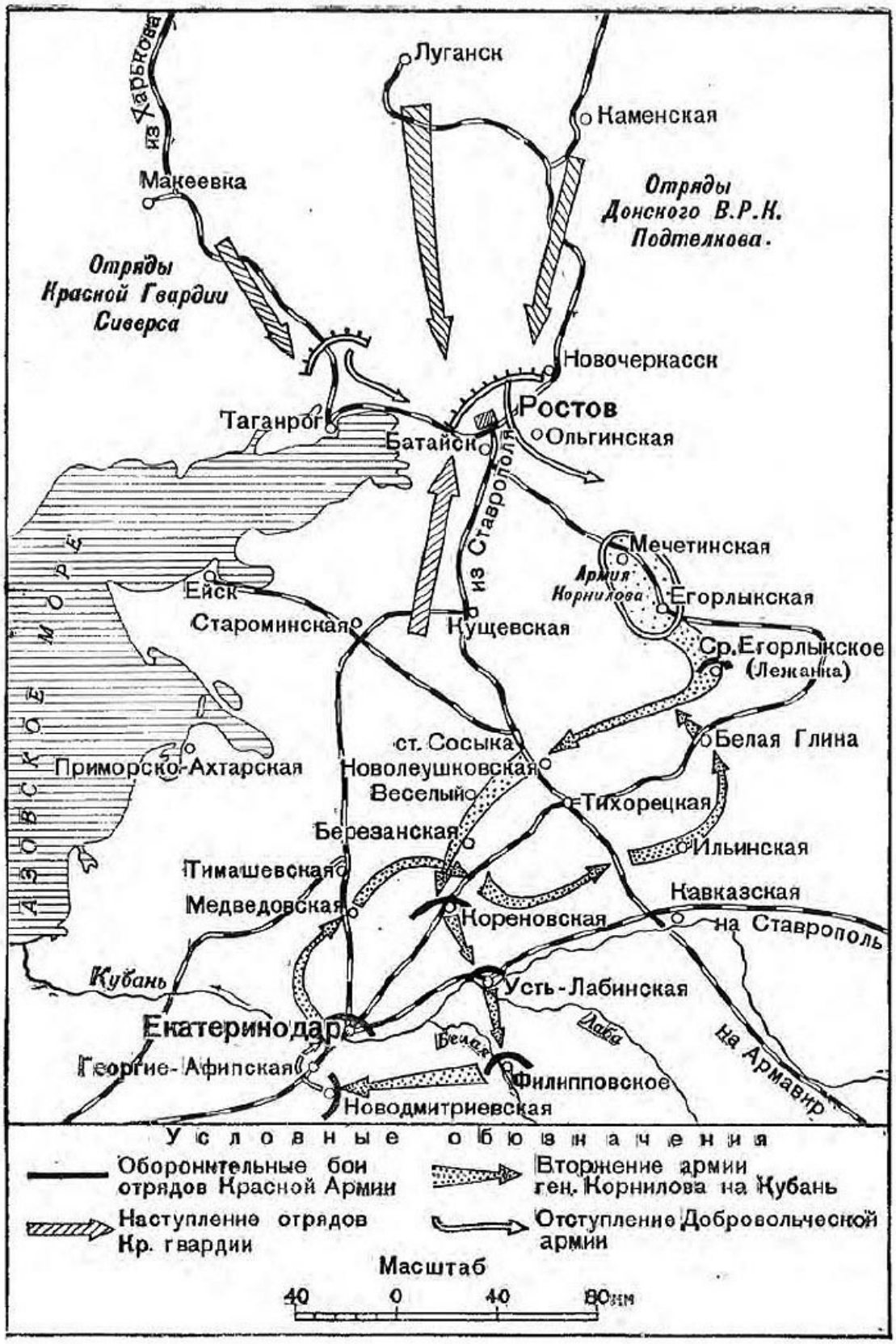
Но час пролетел, наступила пора,

На фронте не думай о многом…

В атаку, вперёд, господа юнкера!

Вперёд, за Россию и с Богом!

Д. Персин



Накануне, под вечер выпал снег. Степь белая-белая. И по целине, по нетронутому снегу несколькими дорогами прокладывала себе путь в неизвестность Добровольческая армия. Вой-

сковые соединения и штатские люди, гражданские и санитарные повозки, телеги со скудными боеприпасами – всё перемешалось.

Впереди колонны генерала Боровского ехало несколько всадников с трёхцветным российским флагом. За ними мрачно шагал по глубокому снегу генерал Корнилов. От лошади он отказался. «Как я поеду верхом, когда у меня генералы в походном строю в пешей колонне с винтовками на плече?»

Генерал Корнилов небольшого роста, темноволосый с жидкой порослью на лице, широкоскулый, узкоглазый, глаза карие. Такой тип лица часто встречается среди сибирских и семиреченских казаков. А Лавр Георгиевич был чистокровный сибирский казак.

Настроение у него подавленное. Положение Добровольческой армии не просто тяжёлое, а отчаянное. Чуть больше месяца назад, 2 января на собрание офицеров он сказал: «Господа! Дай Бог, чтобы этот новый год был счастливее старого. Тяжелое будет время для вас и для меня. Я объявил войну предателям Родины. Большевиков за врагов я не считаю, это лишь несчастные обманутые люди. Если же я борюсь с ними, то лишь потому, что вслед за ними мы увидим немецкие каски. Большевики – это немецкий авангард. Тяжелый будет год и тяжелая борьба. Наверное, многие из вас падут в этой борьбе, может быть, погибну и я, – но я верю в то, что Россия снова будет великой, могучей».

Рядом с Корниловым, сбоку ехал его личный конвой – полтора десятка текинцев – всё, что осталось от полутора тысяч. Загорелые горбоносые джигиты в чёрных бараньих папахах, в малиновых шароварах с серебряным галуном, в жёлто-малиновых халатах выглядели в белом холодном поле чужеродно и странно, как попугаи на снегу. Когда-то под ними были их знаменитые кони -алха-текинцы, но – увы! – лошади на войне гибнут чаще, чем люди.

Чуть сзади главнокомандующего шёл генерал-майор Богаевский Африкан Петрович с небольшим чемоданчиком в руках.

Ещё дальше за Корниловым с винтовкой на плече грустно шагал генерал-лейтенант Деникин Антон Иванович в чёрном гражданском пальто, брюках и сапогах, на голове шляпа-котелок. Он больше был похож на какого-нибудь промышленника или банкира, чем на генерала. Хотя на самом деле он сын крепостного крестьянина Саратовской губернии, дослужившегося в царской армии до майора, и шляхтянки. Он шёл и чувствовал, что в правом сапоге намокла пятка, а в левом мокро прямо под ступнёй. Появилось глупое и навязчивое желание снять сапоги и посмотреть где они протекают. Зачем? И так всё ясно! Сапоги текут. Не вовремя, в самом начале похода. Корнилов решил назначить Деникина своим заместителем. Чем будет заниматься заместитель, было не ясно.

Дальше штаб Корнилова во главе с генерал-майором Романовским.

За ними уже собственно Юнкерский батальон генерала Боровского вперемешку с гражданскими.

За санитарными санями шли женщины-прапорщики Александровского военного училища, прибывшие в конце ноября из Москвы, «офицерочки», как их называли. В долгополых шинелях, в серых папахах, они гордо называли себя женским батальоном, хотя их было всего пятнадцать человек, до батальона не дотягивали. Впрочем, и вся Добровольческая армия едва дотягивала до полка бывшей царской армии. Корнилов был против женщин в армии. Он сам летом 1917 года отменил создание женских батальонов, и на Дону отказывался применять их в боевых условиях. Девушки сами, добровольно убегали в части и принимали участие в боевых действиях. Одна из них с дерзкими и весёлыми голубыми глазами, крепко сбитая, прославилась в боях ещё в Москве, а здесь на Дону у станции Ряжская. Это была баронесса София де Боде.

Уже на выходе из города к женскому батальону подкатило семь пролёток с офицерами. Один из них в тёмно-синей форменной тужурке железнодорожника с двумя рядами металлических пуговиц, тёмно-зелёными петлицами и золотыми полковническими погонами на пле-

чах улыбнулся Софьи. Она узнала его и тоже улыбнулась. Это был полковник Зимин, её знакомый. Они познакомились в Москве, а у Ряжской знакомство продолжилось.

– Виктор Витальевич? Лихо вы подкатили, ваше высокоблагородие! По-гусарски!

– Нет, Софья Николаевна, мы пехота, инфантерия. Партизанский отряд, вы же знаете, под моим личным командованием. Задержались немного, пришлось догонять на пролётках. А мороз-то, какой! А? Снег под ногами скрипит. Ночь звёздная, а, значить, холодная. «И горели в небе звёзды, как глаза волков голодных».

– А вы поэт, Виктор Витальевич, – улыбнулась Софья.

– Так точно, прапорщик. Барышни, а что вы своими ножками, почему не в санях?

– Там же раненные.

– Так тем более. Согреете.

– Они же мужчины.

«Офицерочки» были явно смущены.

– Так что из того? Кто же согреет мужчину, если не женщина?

– Мы не женщины, мы солдаты.

– Вас как-то не понять: то вы женщины, то вы солдаты.

– Мы к ним приляжем, а у них что-то зашевелиться в штанах, что тогда? – смеялись прапорщики.

Круглолицая сестра милосердия, правящая санями, обернулась и сказала:

– У кого зашевелиться – тот выживет, а у кого нет – тот не жилец.

– О! Ксения Васильевна? – удивился Зимин. – Вот уж не ожидал!

– Почему? – спросила сестра милосердия.

– У вас же вроде как «медовый месяц?»

– Правильно. Поэтому я и здесь: с мужем в одной колонне.

– А кто у вас муж? – спросила де Боде.

– Разрешите представить: Ксения Васильевна Чиж, – сказал Зимин.

– Чиж? – улыбнулась Софья. – Какая милая фамилия.

– В девичестве, – добавил Зимин, – а теперь жена генерала Деникина.

– Деда Антона? – удивилась Софья. – Такая молодая!

Ксения улыбнулась бестактности баронессы:

– А сколько вам лет, прапорщик?

– Двадцать один.

– А мне двадцать пять. А Антону Ивановичу – сорок шесть и, поверте, не такой он уж и старый.

– Извините, – засмущалась Софья.

– Ничего, – сказала Ксения.

– Господа офицеры! Вольно! Опекать господ прапорщиков! – приказал полковник Зимин. – И, кстати, Софья Николаевна, мне тридцать пять лет. Я не очень стар в ваших глазах?

– Ой, ладно вам, господин полковник. Вы же женат.

– Я помню.

– Сколько у вас в отряде человек? – спросила Софья, что бы переменить тему разговора.

– Двадцать восемь, вместе со мной. А что?

– Так. И опять мы вместе. Как в Москве, как под Ряжской.

– Да, а в Москве могли бы победить, если бы полковник Рябцев с большевиками не разговоры разговаривал, а просто бы всех расстрелял тогда, в ночь на 28 октября прошлого года.

В голосе полковника слышалась досада.

– Ничего, ещё наверстаем, – убеждённо сказала баронесса де Боде.

– Дай то Бог.

– А вы сомневаетесь, Виктор Витальевич? – обернулась Ксения Деникина.

– У большевиков людей больше. За ними идут. Они обещают всё! Землю, заводы, национальным окраинам – автономию. А мы что? Старую жизнь? Но даже среди нас не все хотят вернуть старую жизнь. Кто-то хочет царя, а кто-то – нет. А большевики что народ просит, то и обещают. Вот, кстати, интересно, в Замоскворечье фабрика по производству телефонных аппаратов, чем сейчас занимается? Кому сейчас нужны телефонные аппараты! Фабрика в руках рабочих! И что дальше? Телефонные аппараты на хлеб не поменяешь, крестьянам они точно не нужны.

– Настроение у вас какое-то не боевое, полковник Зимин, – сказала Ксения.

– А откуда ему взяться боевому? Боеприпасов нет, народ против нас! Только что – «Наше дело правое!» да «С нами Бог!»

– Хотя бы! И народ скоро поймёт – кто такие большевики! Вот мой Антон Иванович сын крепостного крестьянина, а Корнилов сын казака-землепашца. А у большевиков? Ленин – дворянин, а остальные иудейского вероисповедания. Какое они имеют отношение к русским крестьянам и рабочим?

– Да причём здесь это? Власти они хотят! Власти! Вы бы сказали мужу, Ксения Васильевна, пусть они с Алексеевым и Корниловым лозунг какой-нибудь придумают, программу действий какую-нибудь.

– Так программа действий есть. На Кубани вместе с Кубанской Радой объединить юг России в одно государство, Сибирь подключить. Набраться сил и скинуть большевиков.

– А Кубанская Рада спит и видит, как стать опять Россией?

– Штатом Российской Федерации. Так Алексеев говорил.

– А почему вы тогда воюете, если в победу не верите? – спросила Софья.

– Во-первых, присягал Отечеству, а присягают один раз, Софья Николаевна. А во-вторых, я рыцарь! А рыцарь всегда на стороне слабых и гонимых.

– Шутите, Виктор Витальевич.

– Разумеется, прапорщик.

– Но на данный момент, мы действительно слабы и гонимы, – вздохнула Ксения Деникина.

До Аксайской станицы чуть больше версты. На дороге встречает квартирьер, докладывает Корнилову:

– Атаман и старики станичные сказали, что держат нейтралитет и нас решили не пускать в станицу.

– Чёрте что твориться! – разозлился Корнилов. – Казаки! Стыдно даже, что принадлежу к этому сословию! Иван Павлович, – обратился он к генерал-майору Романовскому, – вы, как начальник штаба, и вы, всё-таки местный, с Луганска, съездите в станицу, разберитесь.

– Есть, – козырнул Романовский, нашёл сани, развернул их в сторону станицы и сказал Деникину:

– Антон Иванович, поехали со мной, как будущий заместитель главнокомандующего, поговорим с этими трусливыми идиотами.

Деникин согласился, подумав, что мокрым ногам лучше быть в санях, чем на снегу.

За ним верхом поскакали ординарцы.

Атаман Аксайской станицы сидел в своём курене, на втором этаже в зале на лавке в углу под образами. Керосиновая лампа под низким потолком. Вокруг него за столом расположились станичные старики и прочие уважаемые в станице люди. Генералам предложили два табурета с дальнего от атамана торца стола. Они сели, винтовки между ног.

– Так чего вы боитесь, станичники? – начал Романовский.

– Так неизвестности,– честно сказал атаман. – Вот если бы вы наступали. То мы бы с радостью. А большевики, кто их знает, что за люди.

– Потому и отступаем, что вы нам не помогаете, – заметил Деникин.

– А вы, извините, господин, кто будете?

– Заместитель главнокомандующего Добровольческой армии генерал-лейтенант Деникин Антон Иванович.

– А обмундирование ваше где?

– В Батайске.

– Здесь не далеко.

– Да, но железная дорога в руках у большевиков. Думали, что от Батайска наше наступление начнётся. Туда и направили боеприпасы, армейское имущество и моё обмундирование с прочими вещами. Да вот не получилось.

– Так я и говорю: «Вы бы наступали, господа генералы!» Тогда бы мы вам помогли. А как же! А так вы уйдёте, красные придут. С меня спросят. Ещё, не дай Бог, безобразничать начнут.

– И часто они у вас безобразничают? – мрачно спросил Романовский.

– Бог миловал, но в других станицах, слышно, пошаливают.

Начались бессмысленные разговоры, станичники упёрлись: не хотели пускать белых. А белые генералы, давили, знали: у них там люди мёрзли.

На втором часу переговоров один из станичников вышел по нужде на баз и на обратном пути его остановил ординарец Романовского, разбитной казак Луганской станицы, которому надоело ждать в холодных сенях, и сказал:

– Долго чего-то вы там. Смотрите, дождётесь! Подойдёт Корнилов, он вас всех повесит, а станицу из орудий разнесёт.

– Такой суровый? – удивился станичник.

– Что суровый? Жестокий! Он сибирский казак, наполовину киргиз. А степняки они все жестокие. Так что решайте там побыстрей.

– А что решать-то?

– Не знаю. Может, вы хотите помереть геройски, на виселице. Деревья-то крепкие найдутся в станице?

– Тьфу на тебя,– в сердцах плюнул станичник и зашёл в залу.

Он подошёл к станичному атаману и пошептал что-то на ухо. У того вытянулось лицо:

– Да ты что?

– Да.

– Вот что, господа генералы, вышли бы вы в сени, нам посовещаться надо.

Генералы с неохотой подчинились. Через некоторое время их позвали.

– Вот что, ваши превосходительства, мы понимаем, ваши люди устали, на базу прохладно. Что ж, заходите в станицу. Погрейтесь, отдохните. На полдня. А потом – всё! Если красные появятся – без боя отступайте. Нам тут драка не нужна. Поймите правильно.

– Поймём как надо. И на том спасибо, – мрачно сказал Романовский. Так сказал, что станичный атаман подумал грешным делом: «Ой, не дай Бог победят и вернуться!»

Усталая, продрогшая Добровольческая армия разлилась по станице, располагались в домах. Местные им были не рады. Доброармейцам было всё равно – очень хотелось согреться и уснуть.

Софью де Боде нашёл прапорщик Пётр Тулупов, её знакомый по Александровскому училищу. Они вместе приехали на Дон и он ещё с Москвы оказывал ей знаки внимания.

– Соня, я тут место нашёл, тёплое.

Офицерочки заулыбались и стали многозначительно переглядываться. Софья на них грозно посмотрела.

– Пойдёмте, Пётр.

Тулупов подвёл её к серому сараю, открыл дверь:

– Прошу.

– Тулупов, это же сарай!

– Не дворец, конечно, зато с сеном. Прошу, мадемуазель.

Они зашли, разгребли в стоге сена яму, постелили шинель Тулупова, сняли сапоги, положили их под голову, на них вещмешки, а сверху папахи, рядом ремни и винтовки. Укрылись шинелью де Боде и постарались сверху навалить как можно больше сена. Пётр подсунул правую руку под шею Сони, они обнялись, согреваясь. Он нашёл её губы своими губами, нежно поцеловал, его левая рука стала гладить и ласкать её. Под гимнастёркой он нащупал её девичьи груди, стал забавляться с ними. Она не возражала, только легла поудобней. Это он воспринял как призыв к действию. Его рука зашла за пояс её галифе. Соня поймала её и положила себе на талию.

– Всё, Петенька, давай спать.

Пётр подчинился. Они прижались друг к другу и закрыли глаза. Казалось и минуты не прошло, как заиграла труба, призывая доброармейцев к продолжению похода.

Как не хотелось вылезать из тёплого сена! Но надо. Пётр опять поцеловал её. Соня упёрлась ему в грудь руками, отстранила его.

– Ну, всё, хватит.

Стали одеваться. Одеваться как можно быстрее – холодно.

– Тулупов, только не воспринимай это в серьёз.

– Почему? – удивился Пётр.

– Я всё-таки баронесса.

– Ну и что? У нас уже почти год как равенство всех сословий.

– Да? – протянула она.

– Да. Хотя маменька с папенькой будут не довольны. Что на баронессе я женюсь, что на крестьянке, для них один хрен. Видела в Москве памятник гражданину Минину и князю Пожарскому? Так вот, князь нам родственник. Дальний. Князья Пожарские и Тулуповы ведут свой род от князей Стародубских. Рюриковичи мы. Ты для меня худородная. Была бы хотя бы герцогиня, что ли.

– Тулупов, ты шутишь, – сказала она весело и удивлённо.

– Нет. Ты не огорчайся, для нас и Романовы – худородные. Подумаешь, от какого-то боярина Кошки произошли. Так что, Сонюшка, выйдешь за меня замуж, станешь княжной Тулуповой, принцессой.

– Ты серьёзно? – она подошла к нему (они стояли одетые у сарая), положила свои ладони ему на грудь и заглянула в глаза.

Он положил свои руки ей на талию и тоже стал серьёзным:

– Серьёзно. Говорят, что дед Антон женился.

– Не говорят. Я с его женой разговаривала.

– Тем более. А мы чем хуже?

– Я Сашу ещё не забыла.

– Три месяца прошло, как его убили.

– Ещё помню.

В уголках глаз у неё заблестели слёзы, она их смахнула и сказала сдавленным голосом:

– Ладно, пошли.

Дон решили переходить в том месте, где в него впадает Аксай. Первым на другой берег перешёл Алексеев с тросточкой в руке. За ним галопом перевезли артиллерийские орудия и поставили их дулами к реке. Следом, верхом на лошади в сопровождении своего конвоя переправился главнокомандующий. Началась переправа. Корнилов встал на пригорке и здоровался

со всеми проходившими мимо. Над ним развевалось трёхцветное знамя, а в голубом небе радостно сияло солнце.

Лёд угрожающе трещал на реке, но всё прошло благополучно.

Радуясь солнцу, радуясь, что вырвались из Ростова и благополучно перешли Дон, юнкера заорали песню:

– Дружно, корниловцы, в ногу
С нами Корнилов идёт!
Спасёт он, поверте, отчизну,
Не выдаст он русский народ!

Через час колонна вошла в станицу Ольгинская, где уже находились пять остальных колонн. Станичники встретили Добровольческую армию прохладно: не обрадовались, но и препятствий не чинили.

Красные обстреляли из орудий окраину станицы, да налетела красная кавалерия, но была отогнана. Больше красные белых не беспокоили. Добровольческая армия устраивалась на отдых.

Корнилов устроил учёт наличных сил и реорганизацию армии.

Наличных сил оказалось чуть больше четырёх тысяч в основном офицеров: 3 полных генерала, 8 генерал-лейтенантов, 25 генерал-майоров, 190 полковников, 52 подполковника, 215 капитанов, 251 штабс-капитанов, 394 поручика, 535 подпоручиков, 688 прапорщиков, 437 кадет и юнкеров, 630 нижних чинов, 630 добровольцев, 148 врачей и медсестёр. А так же восемь орудий, разделённых на четыре батареи и 600 снарядов к ним. Патронов имелось по 200 штук на винтовку. И кроме всего прочего 118 гражданских беженцев.

Все эти силы делились на 25 отдельных воинских частей. Называли они себя по-разному: полк, батальон, рота, отряд. Корнилов свёл всё это в два полка.

Первый офицерский полк под командованием генерал-лейтенанта Маркова Сергея Леонидовича, куда вошли три офицерских батальона, кавказский дивизион и морская рота. К нему же придали юнкерский батальон Боровского Александра Александровича в составе юнкерского батальона, студенческого ростовского полка.

Корниловский ударный полк под командованием полковника Митрофана Осиповича Неженцева, в который вошли Георгиевский полк, партизанские отряды и Партизанский полк Африкана Петровича Богаевского.

А так же отдельно артиллерийский дивизион полковника Икишева, чехо-словацкий инженерный батальон под командой капитана Неметчика и три конных отряда полковников Глазенапа (казаки), Гершельмана (уланы) и подполковника Корнилова из бывших партизан Чернецова.

Корнилов совместил несовместимое. Алексеев очень беспокоился, особенно по поводу батальона Боровского.

– Юнкера считают студентов чуть ли не большевиками или, по крайней мере, «социалистами». Они передерутся, в лучшем случаи, – сетовал он, – или переубивают друг друга.

– Ничего, обойдётся, – отвечали ему, – Боровский хороший генерал, опытный. И, кроме всего прочего, главнокомандующий приготовил им сюрприз.

На третий день пребывания (12 февраля) в Ольгинской, на восемь часов утра был назначен смотр армии. На построении очень долго строились. Не все были в курсе решения Корнилова. Наконец все выстроились согласно реорганизации.

Перед армией выехал Корнилов, за ним казак с российским трёхцветным флагом. Раздалась команда:

– Смирно.

Корнилов представил армии новых назначенных командиров, произвёл юнкеров в прапорщиков, а кадетам и студентам присвоил новое звание «походные юнкера». Это привело молодёжь в неописуемый восторг. Новым прапорщикам немедленно были вручены погоны, а походным юнкерам – ленточки цветов национального флага, которые рекомендовалось нашить на нижний рант кадетских погон.

Генерал Марков успокоил недовольных офицеров своего полка:

– Господа! К сожалению, это Гражданская война со всеми её гримасами. Такова жизнь! Я тоже перешёл с должности начальника штаба фронта на должность командира батальона, которым фактически является наш полк. Первый Офицерский полк. И я не знаю: будет ли второй? По правде говоря, из трёхсоттысячного офицерского корпуса России, я ожидал увидеть здесь несколько больше людей. Но и с малыми силами можно совершать великие дела! И не спрашиваете меня, куда и зачем мы идём. За синей птицей к чёрту на Кулички! Где это и что это – найдём, разберёмся!

Корнилов так и не решил для себя – куда направить армию? Не хотелось ему идти в Екатеринодар. Его тянуло на родину, в Сибирь, здесь на Дону и Кубани он был всё-таки чужой.

Из Ростова неожиданно приехали журналисты из различных изданий, в том числе и иностранных. Корнилов толи дурил журналистов, отвечая на вопросы, говорил, что поведёт армию в станицу Великокняжескую, толи на самом деле не хотел идти в Екатеринодар. Эти ответами он вселил великие сомнения в душу Алексеева по поводу намерений главнокомандующего. Михаил Васильевич предложил собрать совет.

Совет собрался вечером.

– Я считаю – сказал Корнилов на совете, – что для начала надо установить связь с Кубанской Радой. Кубанское правительство должно подчиниться вам, Михаил Васильевич, как представителю гражданской управления нового правительства России. Я помню, что вы там назначены главой вооружённых сил, но с тех пор, как вы там были, всё несколько поменялось. Теперь я главнокомандующий, а вы глава управления нового правительства. Во избежание трений между нами и Кубанской Радой сначала надо договориться с ними. Для этой цели предлагаю увести армию в Сальские степи, дать отдохнуть от зимних боёв под Ростовом, пополнить конный и людской состав.

– Да, но для этой цели армию придётся разбить на мелкие части, – возразил Алексеев. – Зачем же тогда её надо было реорганизовывать здесь в Ольгинской? В Сальских степях небольшие хутора. Четыре тысячи в одном хуторе не поместятся. Не в зимней же степи отдыхать армии? К тому же, Германский и Турецкий фронт покидают революционно настроенные части. Большевики в Сальских степях нас могут разбить по частям, тем более что в их руках вся железная дорога.

Начались жаркие споры и, в конечном итоге, победило мнение, что надо идти на соединение с войсками Кубанской Рады и там формировать новое правительство новой России. Это было окончательным решением.

Но окончательное решение было поколеблено на следующий же день. Из Ростова прибыл походный атаман войска Донского Пётр Харитонович Попов с полутора тысячами казаков. Он наотрез отказался уходить с Дона. Опять вечером собрались на совет. Из Новочеркасска к этому времени прибыл генерал Александр Сергеевич Лукомский, который сообщил, что Донского правительства больше нет, Новочеркасск захвачен большевиками. Атаман Войска Донского Назаров Анатолий Михайлович, выбранный вместо покойного Каледина, арестован и судьба его неизвестна. Лукомский предложил свой вариант развития событий: Попову идти в Сальские степи, а Добровольческой армии направиться за реку Маныч в станицу Великокняжескую, расположенную поблизости от Сальских степей и в относительной близости к Кубанскому краю, но далеко от железных дорог, захваченных красными. В станице Великокняжеской

Добровольческая армия отдохнёт, наберётся сил и свяжется с Кубанской Радой. А там, смотря по обстоятельствам: или направиться в Екатеринодар или, если на Дону вспыхнет антибольшевистское восстание, на Ростов и Новочеркасск. Алексеев нехотя согласился, но с условием, что Лукомский направиться в Екатеринодар для установления контактов с Кубанской Радой, а Добровольческая армия сначала пойдёт на станицу Егорлыкскую, где находятся склады с боеприпасами, а уж оттуда направиться в станицу Великокняжескую. Корнилов с радостью согласился, на душе у него полегчало. Тут же был написан приказ о выступлении. Попов с казаками в этот же вечер покинули станицу.

Тихая размеренная жизнь в станице Ольгинская, к которой успели привыкнуть, закончилась. Настал последний спокойный вечер для Добровольческой армии.

Полковник Зимин и три его командира взводов – два подполковника и майор – пили с хозяином куреня самогон, закусывая его квашеной капустой и картошкой. За это они отдали швейную машинку фирмы «Зингер». Эту машинку они отбили в Ростове у каких-то бандитов. Хозяина у машинки не нашлось. Оставлять её на улицах Ростова было глупо, вот они и тащили по очереди бандитскую добычу с собой. А теперь представился подходящий случай – избавится от неё. Все партизаны Зимина получили по пол стакана самогону, для согрева, а сам Зимин со своими командирами взводов за японскую винтовку, в довесок, ещё бутылку того же самогона.

– Да я бы с вами пошёл, – жалко оправдывался хозяин, здоровенный чернобородый казак, – а как большевики нагрянут? А здесь жена, хозяйство …

– А убережёшь? – спросил Зимин. – Я имею ввиду хозяйство. Большевики придут – ограбят. Вон у станичников ваших мы закупали лошадей, телеги. А цены вы ломили! Креста на вас нет! А большевики, они же Бога отменили! Они просто придут и возьмут.

– Да не вериться как-то, ваше высокоблагородие. Как так возьмут? Я же хлебороб! А они за трудящихся.

– А мы кровь за Россию проливали своего удовольствия для? – спросил Роман Щербина, один из подполковников.

– Мы не по разу раненные, – добавил майор Игнатов.

– А это, господа, трудом не считается, – съязвил Зимин, – мы сидим на шее хлеборобов. Кровопийцы мы, господа! Мироеды!

– Да война-то не понятно за что, – отмахнулся хозяин.

– А мы с тобой, Тимофей Фёдорович, военного сословия,– ответил Зимин. – Нас не спрашивают: справедливая война или нет! Моему предку триста лет назад царь Михаил Фёдорович землю дал, что бы ему служили, а не задавали вопросы. И вам, казакам, эту землю дали, что бы вы служили.

– Нашим добром, нам и челом! – хмуро сказал Тимофей Фёдорович.

– Это неважно, как там ваши предки с царём договаривались. Главное, что вы согласились служить. Вот ты говоришь, что твоего отца в Болгарии убили, в Турецкую? А ему нужны были эти болгары?

– Так гутарили – братья.

– А теперь эти братья на стороне германцев, против нас.

– Я и гутарю, что война не правильная.

– Ладно, давайте выпьем, – сказал другой подполковник по фамилии Машаров.

Тимофей Фёдорович разлил по гранёным стаканам самогон, молча выпили.

– А вот пришли большевики и сказали: «А поделись-ка ты, господин Зимин, помещик, своей землицей». А почему я должен ей делиться? И к вам, казакам, придут большевики и скажут: «А поделитесь вы с иногородними своей землёй».

– А при чём здесь иногородние и наша казачья земля? – не понял Тимофей.

– А причём здесь моя земля и крестьяне? А я тебе скажу при чём! Ленин как сказал? Если отобрать у помещиков земли и отдать их крестьянам, то наделы крестьянские вырастут в

два раза. В среднем будет по четырнадцать десятин у каждого. А что большевики про казаков говорят? Казаки – это народ-помещик. А вот придут к тебе большевики и скажут: «А дай нам, Тимофей Фёдорович, земли, лошадей, телегу, инвентарь разный. Ты же хлебороб, Тимофей Фёдорович, трудящийся. И мы трудящиеся, мы товарищи тебе, а с товарищами надо делиться. У тебя много всего, а у нас ничего нет. Вот ты нам и дай».

Зимин пьяно засмеялся.

– Дай! Кусай!– Тимофей показал кукиш, – А если я не желаю?

– А тогда ты им не товарищ и на тебя куска свинца не жалко.

– Нет, не верю, ваше высокоблагородие. Это ты, офицер, наговариваешь! Большевики они за всеобщую справедливость. Так нас на фронте агитировали. Что бы всем хорошо было.

– Да я, мы, разве против справедливости? Не против! Но не за наш счёт. Чем богаче население, тем богаче государство!

– Богат Садко-купец, но богаче его Господин Великий Новгород! – пьяно сказал майор Игнатов.

– Во! Он с Новгорода, он знает, – сказал Зимин. – Раздай, государство, свои земли своим подданным. Они на них работать будут, налоги платить и ты, государство, разбогатеешь.

– И нам за наш труд ратный, чего-нибудь подкинешь, – сказал первый подполковник.

– Какая же тут справедливость, – продолжал Зимин, – если меня до нитки обобрать, а ещё и жизни лишить, что бы ни возмущался?

Зимин опять пьяно засмеялся.

– Ох, загадки ты задаёшь, ваше высокоблагородие,– почесал затылок Тимофей Фёдорович.

– А ты думай, казак, думай. Да смотри, как бы поздно не было.

А женский батальон расформировали. Корнилов считал, что женские батальоны на войне годятся только для охраны чего-нибудь воинского глубоко в тылу. Но тыла у Добровольческой армии не было и охранять было нечего. Добровольческая армия жила по принципу – всё своё ношу с собой.

Корнилов говорил:

– Глупость Керенский удумал в прошлом году – баб в армию брать! И без них хлопот хватает. В демократию играл, гад. Всё угодить хотел союзникам: Англии да Франции. Баб на фронт погнал! Им рожать надо, а они под пули лезут! Из пятнадцати девок – сколько до конца войны доживёт? Их, по-хорошему, домой спровадить надо, да не получиться, понимаю. Распределить! Что бы в воинском подразделении не более двух было.

– Почему не более двух? – спросил Боровский.

– Потому, Александр Александрович, что самая крепкая цепь не крепче самого слабого звена! А женщина в воинском подразделении – слабое звено! Чем больше их будет в подразделении, тем слабее подразделение будет. И погибнуть у подразделения будет больше шансов. А одна-две, думаю, что не так заметно будет. И беречь их по возможности.

«Офицерочки» в компании «походных юнкеров», прапорщиков и прочих офицеров сидели у костров и пекли картошку, выпрошенную у казаков, или просто обжаривали хлеб на палочках.

– Вот кончиться война, – сказал «походный юнкер» Петровский, – вернусь в Москву, окончу университет. И лет через двадцать стану президентом России или премьер-министром. Смотря кого там Учредительное собрание во главу России поставит. Буду страной руководить.

– У тебя и планы, Денис!– смеялась Маша Черноглазова. – А ты, Тулупов, кем будешь через двадцать лет?

– Генералом, – пожал плечами Пётр. – У меня все предки генералы, в крайнем случаи, полковники.

– А ты Соня?

– Я так понимаю – генеральшей, – улыбнулась де Боде и хитро посмотрела на Петра.

2

Утром 14 февраля Добровольческая армия двинулась в поход. Солнце, что светило все четыре дня над станицей Ольгинской, куда-то пропало, и над землёй нависли тяжёлые хмурые тучи. К утру потеплело, и дорога превратилась в чёрную липкую грязь, которую месила нищая Добровольческая армия. А по краям дороги у своих домов вышли казаки и глазели на проходившую мимо белую гвардию, одетую как попало. Сами станичники были одеты куда как справно. Вон стоит отец семейства в окружении четырёх сыновей-фронтовиков, сытые, смотрят насмешливо, без жалости, в тулупы одеты, чёрные папахи на голове.

– О, какая сила-то на обочине стоит, – ворчал Зимин про себя, – с такими молодцами не только до Екатеринодара, до Москвы бы дошли. А тут чавкай по грязи в тужурке железнодорожника, меси её дырявыми сапогами да дерись за их свободу.

И зло пошутил:

– А что, станичники, немцев с большевиками хлебом-солью встречать будете?

– А как же, – ему ответили, – мы люди гостеприимные.

Вышли в белую заснеженную степь. Дорога по-прежнему чавкала под ногами чёрной жижей. Чёрная земля налипала на сапоги, утяжеляла их. У «походного юнкера» Петровского в грязи осталась сначала одна подошва от одного сапога, а потом вторая от другого. Найти в этом болоте их было невозможно, и юнкер выкинул и голенища, закатал штаны до колен пошёл босиком по холодной жиже, глупо улыбаясь, как блаженный. Проезжавший мимо казак покачал головой:

– Ты, парень, видно совсем умом тронулся. Проще застрелиться, чем в жару метаться. Выходи из строя!

Петровский повиновался.

– Снегом ноги почисть, – приказал казак.

Он вынул из перемётной сумы шинель, вырезал из неё шашкой две широкие полосы.

– Умеешь портянки-то наматывать?

– Умею, чего же нет? – ответил Петровский, и быстро намотал ткань на ноги.

– И что это будет?

– Онучи это будут, – ответил казак.

– Лапти нужны.

– Грамотный? Это вы там в России лапотники, а здесь и без лаптей хорош, господин студент, у вас тоже и так ходят. Всяко лучше, чем босиком. А то совсем ополоумел – босиком в такой холод.

– Да ни так уж и холодно, – возразил Петровский.

– Да уж конечно! У вас в России, наверное, все с придурью, – сказал казак и ускакал вперёд.

Петровский догнал своих и встал в строй.

К вечеру добрели до станицы Хомутовской. Сил устраиваться на ночлег не было. Расположились в повозках, кто как мог.

Проснулись от свиста снаряда. Разрыв. Опять свист, разрыв. Затрещали винтовочные выстрелы. Повозки заметались по станице.

Забыли выставить боевое охранение. Корнилов ругался страшно. На горизонте показалась красная конница. Её подпустили поближе и ударили шрапнелью. Во фланг красных стала

заходить белогвардейская сотня. Красные решили не рисковать и отступили вместе со своей пушкой. Полковник Икишев перекрестился – как вовремя! Как раз шрапнель кончилась.

Порядок в белой колонне был восстановлен. Наскоро подкрепившись, двинулись дальше.

С продовольствием вышла небольшая заминка. Казаки Хомутовской не хотели снабжать корниловцев продовольствием не даром, не за деньги. Пришлось брать силой. Станичники пожаловались главнокомандующему. Корнилов вспылил:

– Казаки – это наши союзники! Не сейчас, так в будущем! Если мы их будем грабить, то мы лишимся этих союзников. А это не дело, господа, не дело.

И издал указ строго настрого запрещающий брать что-либо у населения. Только добровольно и только за деньги. Чем привёл в ступор интендантов, отвечающих за снабжение армии: как можно купить что-то у населения, если население не желает ничего продавать?

Деникину сапоги не продали не в Ольгинской, не в Хомутовской, слава Богу, что хоть папахой разжился в Ольгинской.

Дорога совсем раскисла. Повозки двигались с трудом. Временами приходилось распрягать задние повозки и впрягать дополнительно лошадей в передние повозки, вести их на какое-то расстояние, а затем подтаскивать задние.

Африкан Петрович Богаевский приказал отряду полковника Зимина прикрыть еле ползущую колонну.

– Расположитесь где-нибудь на холме, Виктор Витальевич, – пояснил приказ Богаевский. – Как только колонна скроется из вида, передислоцируетесь. А то, как бы опять не налетели. Пулемёт возьмите и пулемётчика, желательно – хорошего.

– Слушаюсь, ваше превосходительство, – козырнул Зимин и отправился выполнять приказ.

С собой взяли Софью де Боде, как отличного пулемётчика и относительно лёгкий пулемёт Льюиса американского производства, стреляющий российскими патронами.

Расположились на холме справа от дороги. На землю постелили шинель, на неё положили де Боде вместе с пулемётом и сверху накрыли ещё шинелью. На протесты Софьи Зимин жёстко ответил:

– Отставить, прапорщик! Тебе ещё рожать.

Ни чего не происходило. Колонна Добровольческой армии ушла далеко, её догнали, заняли новую позицию. Хотели уж менять и эту позицию, как на горизонте показались какие-то точки.

Зимин долго вглядывался в бинокль и, наконец, сообщил:

– Какие-то конники уходят от других конников. Одеты они одинаково, хрен разберёшь!

– Я предполагаю, – сказал подполковник Машаров,– что уходят наши, а догоняют красные.

– Логично, но на войне всё бывает, – сказал Зимин, – подождём.

– Казаки, – через некоторое время весело доложил он.

– Удивительно было бы здесь встретить мушкетёров короля, – сказал майор Игнатов. – А догоняет кто?

– Да говорю же – казаки. Соня, ну-ка отрежь-ка преследователей.

Баронесса нажала на спусковой крючок, диск пулемёта завращался, из ствола вырвался огонь, а у ног лошадей догонявших появились земляные фонтанчики. Преследователи замешкались. Соня выдала ещё очередь, но ни в кого не попала.

– Пулемёт плохой, – оправдывалась де Боде, – из него разве попадёшь? «Максим» надо было брать.

– «Максим» тяжёлый, таскать его, – ответил Зимин. – Не разговаривайте, прапорщик. Стреляйте.

После третьей очереди у преследователей упал конь и один из казаков схватился за плечо.

– Повыше, Соня.

Соня взяла повыше. Преследователи нагнули головы и стали разворачивать коней, один свалился с седла. Преследуемые развернулись и дали дружный залп из карабинов. Ещё двое слетели с сёдел. Софья послала длинную очередь из пулемёта.

– Побереги патроны, прапорщик, – сказал Зимин.

– А почему вы не стреляли? – спросила Софья, вставая с шинели.

– Зачем? Ты прекрасно одна справилась. И патроны сберегли, они нам ещё пригодятся.

Игнатов поднял пулемёт и направил его на подъезжающих к ним казаков.

Казаки взобрались на холм, в чёрных бурках, в черных папахах. Один из них поднёс ладонь к правому виску и доложил:

– Сотник Десятого Донского полка Абрамов Андрей Николаевич.

Зимин вздохнул облегчённо: красный командир вряд ли бы так представился. Он тоже поднёс ладонь к виску и представился:

– Командир отряда Корниловского ударного полка полковник Зимин Виктор Витальевич.

– Добровольческая армия?

– Так точно.

– Атаман Попов с вами?

– Нет. Он в Сальские степи ушёл. Опоздал ты, сотник.

Сотник сплюнул с досады.

– Мы из Новочеркасска, – сказал он, – там такое твориться!

– Об этом можно было бы догадаться. Раньше надо было бы уезжать.

– Надо было, – согласился сотник, посмотрел на Игнатова с пулемётом и сказал: – Спасибо, майор, хорошо стреляли. Выручили.

– Не за что. Только это не я.

– А кто?

– Вот, – он кивнул на прапорщика.

– Спасибо, молодец, выручил, – улыбаясь, сказал казак. – Как имя твоё.

– Разрешите представить, – сказал Зимин, – прапорщик баронесса София де Боде.

– Баронесса, – растерянно произнёс сотник, – девка что ли?

– Так точно, сотник, – улыбнулся Зимин.

– Всё равно молодец! Хорошо стреляла.

– Вы с нами, сотник?

– А куда мне деваться?

– Сколько сабель в сотни?

– Да вот все здесь. Восемь, вместе со мной.

– Это сила. У нас в армии один эскадрон улан и две сотни казаков, в общей сложности человек сорок. А тут хоть полсотни будет. Воевать без конницы-то хреновато.

– Некрасиво так при барышне выражаться, – заметил сотник.

– Да. Но эта барышня под Ряжской такую матерную тираду выдала, когда мои вояки побежали со мной во главе, заслушаешься! Пристыдила. Мы покраснели, и пошли в штыки. И выбили красных со станции! Вот там мне эта тужурка и перепала.

– Своею шинелью Виктор Витальевич накрыл раненного солдата. Холодно было, – пояснила Софья.

Ей было стыдно от такой грубой похвалы полковника, и она гладила морду казачьей лошади, что бы скрыть смущение.

– Да, – подтвердил Зимин, – денёк был жаркий, но морозный. Солдата в Ростов увезли, там шинель и потерялась. А шинель у меня была новая. Мне её в Москве в октябре выдали, там же, правда, и продырявили. А так новая.

– Вы не боитесь лошадей, Софья … Э-э?

– Николаевна, – подсказала де Боде и ответила: – Нет. У меня точно такая же кобылка была.

– Это мерин, – сказал сотник.

– Что ж, обмен любезностями состоялся, – сказал Зимин, – теперь можно и армию догонять.

Добровольческую армию они нагнали только к вечеру в станице Кагальницкая.

«Офицерочки» заняли здание станичной школы.

На вопрос о еде, Софьи ответили, что её не ждали и поэтому всё съели.

– Как, – возмутилась баронесса, – вы надеялись, что меня убьют?

– Ну, что ты Сонечка, как можно? Мы думали, полковник тебя накормит. Петя Тулупов тебя искал.

– С едой?

– Может быть, он хотел тебя в трактир пригласить.

– В станице есть трактир? – окрысилась де Боде.

– Не обижайся, Сонечка, так получилось.

– Ладно, иду искать еду.

Баронесса развернулась и вышла на улицу и пошла по ней, свернула на другую улицу и тут же наткнулась на одинокого петуха, который копался в конском навозе. Де Бодэ осторожно сняла шинель. Петух понял опасность и помчался по улице. Но баронесса всё же догнала его и набросила на него шинель и загребла возмущённого петуха под мышку. Она стала ходить по дворам и спрашивать: «чей петух?», что бы купить его. Правда, покупать петуха было не на что, но можно было попробовать обменять на что-нибудь. Но ей не только не ответили, но, даже и не открыли. Софья подумала, что петух не курица, яиц не несёт и поэтому большого вреда местным казакам не будет, и пошла к школе.

Там она похвасталась добычей:

– Господа прапорщики, куриный суп будите?

– Конечно, будем, Сонечка.

– Так готовьте кастрюлю!

– Так его убить сначала надо. Ощипать и выпотрошить.

– Убить? – на лице баронессе выразилась глубокая растерянность.

– Ну, конечно! Не живым же его в кастрюлю пихать?

– И кто это сделает?

– В крестьянских семьях это делают мужчины. Мы не мужчины и не крестьяне! Ты поймала, ты и голову ему руби.

– И как это делать?– Софья озадаченно посмотрела на петуха.

Петух пригрелся в шинели, молчал, только головой вертел из стороны в сторону.

– Как, как! Топором!

– У нас есть топор?

– Топора нет, но есть нож, большой.

Ей дали нож. Баронесса вертела в руках нож и смотрела на петуха.

– Что-то как-то жалко его убивать, – сказала она.

– Что значить «жалко»? Ты столько людей поубивала, Соня, а петуха убить жалко.

– Так людей за дело. А петух-то в чём виноват?

– Тогда отпусти его.

– Тогда я буду голодная.

– Тогда убей!

Софья тяжело вздохнула и прицелилась ножом к шее петуха.

– Сонька! Ну, не здесь же! Сейчас кровище будет! Иди на улицу.

Баронесса повиновалась. Попросила подержать нож и петуха, одела шинель и вышла на улицу. Там поняла, что на весу петуха не зарежешь. Надо на чём-то. Нашла чурбан, поставила его на попа и только приложила к торцу голову петуха, как раздался гневный командный голос:

– Отставить, прапорщик! Откуда петух? Купил?

Софья подняла голову и увидела за забором школы Корнилова верхом на лошади в сопровождении свиты.

– Купил?

– Никак нет, ваше высокоблагородие!– вытянулась в струнку де Боде.

Петух вырвался из её рук, больно клюнул и, пролетев несколько метров, скрылся из виду.

– Даром? – грохотал Корнилов.

– Так точно!

– Приказ мой знаешь?

– Так точно!

– Арестовать мерзавца!– приказал Корнилов. – Завтра судить за мародёрство судом офицерской чести. Александр Александрович, – обратился он к генерал-полковнику Боровскому, – поручаю это вам. Приказ напишу сегодня же. Два дня в станице отдыхаем.

К утру эта весть, что прапорщик де Боде украла петуха и её будут судить разлетелась по всей Добровольческой армии. Боровский поручил полковнику Зимину собрать суд офицерской чести в доме станичного атамана к двум часам дня.

Зимин деятельно взялся за дело, взяв в товарищи вновь прибывшего сотника Абрамова.

– Как устроился, сотник?

– Да ничего. У Гершельмана.

– Так у него уланы.

– Так точно, уланы. Глазенап с казаками на разведку поехал в Сальские степи к Попову. А у нас с уланами вооружение одинаковое. У них пики и у нас пики.

– Что-то я не заметил у твоих казаков пики.

– Так и у уланов их нет. Но так-то должны быть.

– Должны, да не обязаны. Дай Бог, когда-нибудь будут.

Встретили юнкеров Петровского и Тулупова.

– Нашу баронессу судить собираются, надеюсь, вы господин Петровский не откажетесь поприсутствовать?

– Разумеется, Виктор Витальевич, – ответил Петровский.

– А почему не я? – с обидой спросил Пётр.

– А вы можете быть предвзяты, господин Тулупов. Все же знают про ваши отношения и про сено тоже знают.

– Это затрагивает честь Софии Николаевны, и я вызываю вас на дуэль, господин полковник.

– Честь баронессы де Боде это не затрагивает. Все уверенны в её честном имени, да и в вашем благородстве тоже, юнкер.

– Прапорщик.

– А, ну да. Офицер. На дуэль вызвать имеете право, но так, не в обиду, Тулупов, вы хотя бы дворянин?

– Опять эти сословные предрассудки! Мы, князья Тулуповы, Рюриковичи!

– О, прошу пардону, ваше сиятельство. А вы, сотник, дворянин?

– Да, поэтому и здесь. Я из Урюпинской. Мои земляки в большинстве своём за красных. А я как дворянин…

– Понятно. Но мы с вами, Андрей Николаевич, по сравнению с его сиятельством, Петром Афанасьевичем, так, мелкие сошки. Я же тоже из казаков, только вятских. Моему предку первый Романов, царь Михаил Фёдорович жаловал дворянство.

– А моим Елизавета за прусскую компанию.

– Давайте к сути дела, господа, – не выдержал болтовни офицеров Петровский, – Софья Николаевна в беде, а вы родословными хвастаетесь.

– Всё хорошо будет, юнкер, в смысле прапорщик, – уверил его Зимин. – Ты пойдёшь на суд, а Пётр пусть мучается.

Они пригласили ещё на суд офицерской чести генерала Дубовицкого, интенданта штабс-капитана Мазаровича и подполковника Глебова и все вместе направились к дому станичного атамана, где их ждали генерал-полковник Боровский, провинившийся прапорщик и хозяин петуха, которого с трудом удалось найти. А перед самым домом у Зимина почти оторвался каблук на правом сапоге. Полковник разразился таким отборным матом, вытаскивая из глины сапог, что генерал Дубовицкий, усмехнувшись, сказал:

– Сразу видно – фронтовик.

– Да сапог-то почти новый, ваше превосходительство, ему и двух лет нет, – ругался Зимин.

Накрапывал дождь.

Они вошли в дом и расположились на скамейках у окон, напротив их на табуретки, закутавшись в шинель и надвинув фуражку на глаза, сидел провинившийся прапорщик. У двери переминался с ноги на ногу хозяин петуха.

Генерал-лейтенант зачитал приказ командующего армией, развёл руками и сказал:

– Ну, что ж? Давайте разбираться, господа.

Господа заёрзали на своих скамейках. Самым старым из них был генерал Дубовицкий, ему пятьдесят один год, весь седой. Боровскому – сорок один, двоим чуть за тридцать, остальным гораздо меньше тридцати. Прапорщик для них свой. Грабили местное население в основном люди случайные, затесавшиеся в ряды добровольцев да морячки из морской роты капитана второго ранга Потёмкина, заражённые вирусом анархии, оставшиеся без своего командира, но это быстро пресекли.

Тому, кто идёт умирать за правое дело не до грабежей.

– Нет, это не дело, господа, – сказал полковник Зимин, – из-за какой-то птицы лишимся такого геройского прапорщика? К нам, что? Пополнение прибыло? Что-то я не заметил. Вы что, Александр Александрович, действительно хотите повесить прапорщика де Боде?

– Нет, Виктор Витальевич, у меня приказ Лавра Георгиевича разобраться в этом деле. И, если виновен, наказать. А как наказать – будем решать.

– Да за что наказывать? – сказал штабс-капитан Мазарович. – Девчонка же совсем. Даже если и виновата – простить.

– Я не девчонка! – зло, со слезами в голосе, вскочив со своего места, выкрикнул прапорщик.

– Хорошо, Софья Николаевна, – согласился Мазарович, – барышня, но это сути дела не меняет.

– Я офицер!

– Вы офицер, Софья Николаевна, – успокоил её Боровский, – с этим никто не спорит. Сядьте, прапорщик.

Софья подчинилась, села на свой табурет.

– И хороший офицер, я вам доложу, – сказал подполковник Глебов.

– От хорошего корня, хороший росток! – согласился с ним генерал Дубовицкий. – Мы с вашим батюшкой, Софья Николаевна, не один пуд соли съели. Где он сейчас?

– В Крыму, в нашем поместье.

– А вот с другим вашим родственником, Августином Климентьевичем, воевали вместе. Царство ему небесное, погиб смертью храбрых в пятнадцатом, не дожил до этого бардака.

– И живые будут завидовать мёртвым, – вздохнул Глебов.

– Бабы на войну пошли! – сказал с досадой сотник Абрамов. – Чую эта кутерьма добром не кончиться. Кровушки прольётся море! Народу много погинет! Кто же рожать-то будет, если и бабы в эту кашу влезут, под пули пойдут?

– Да, это конечно, дурость Керенского создавать женские батальоны, – сказал Дубовицкий. – С тем же батальоном Бочкарёвой. Создали для поднятия духа армии! Разве этим можно поднять дух армии?

– Женщины хорошо себя показали на фронте! – горячо возразила Софья.

– Не хочу вас огорчать, Софья Николаевна, но не всегда и не везде. Женщина по природе своей не приспособлена к этой крови, грязи, бойне. Хотя есть исключения. Вы, например.

– Да, – поддержал его Зимин, – под Ряжской. Вот думал: «Всё, пропали!» Наши цепи отходят, за явным преимуществом большевиков. А тут, Софья Николаевна, матерком на бегущих солдат. Те остановились в недоумении, а потом заржали. И со смехов пошли в атаку. Так нас обложила, что у нас было только два выхода. Или застрелится от стыда или пойти в атаку. И пошли, и красных отбросили!

– Она такая, – подхватил юнкер Петровский, – ещё в Москве в конце октября прошлого года на Зубовском бульваре убили пулемётчика, Кольку Игнатьева, нашего, с Алексеевского училища. Красные к пулемёту никого не подпускали. Стреляли. Наши юнкера опасались. А она вышла, легла к пулемёту и отогнала этих красногвардейцев.

– А что удивительного? – сказал Дубовицкий. – Женщины сами дают жизнь, поэтому смерти не бояться.

– Это не я, – подал голос прапорщик. – Я у Никитских ворот была на крыше театра «Унион» почти всю неделю боёв. А это Таня Бархаш была. Наша, с Александровского училища.

– Она здесь? В армии?

– Нет, на Кубани. Дойдём – увидимся.

– Это разумеется.

– Вы правы, генерал, – сказал сотник Абрамов. – Никак не могу привыкнуть, что женщина может умереть. Тем более молодая. Хотя сколько их мёртвых повидал! Она жизнь должна давать! Как она может умереть? Ну, ладно, лет в восемьдесят.

– А сколько вам лет, Софья Николаевна? – спросил Дубовицкий, – извините за бестактный вопрос.

– Двадцать один.

– Ага. Значить вам будет восемьдесят лет в семьдесят седьмом году? Что, интересно тогда будет?

– Нас с вами не будет! – вздохнул сотник. – А вы живите, Софья Николаевна. По возможности до девяносто седьмого года.

Софья улыбнулась.

– Мы отвлеклись, господа, – прервал их Боровский, – подвиги прапорщика де Боде всем хорошо известны. Мы здесь разбираем не её лихость, а её проступок с петухом, будь он не ладен. И ещё, Софья Николаевна, мат в устах молодой барышни не уместен. Вы дворянка, баронесса, офицер и вам опускаться до уровня базарной торговки, до уровня хама, простите, не к лицу. Возможно, в ситуации под Ряжской ваш мат был необходим, но это исключение. Итак, продолжим. Будьте так любезны, баронесса, скажите: как так получилось с этой несчастной птицей, и как об этом Корнилов узнал?

Де Боде встала постройке смирно и доложила чётким голосом:

– Он не узнал, он лично увидел. Виновата.

– Сядьте, баронесса, мы вам тут не враги, и расскажите всё по порядку.

Софья повиновалась. Фуражка её сдвинулась на затылок, обнажив коротко стриженные густые тёмные волосы, большие голубые глаза смотрели спокойно.

– Мы последние вернулись из-под Хомутовской. Всё, что могло быть съедено на постои – съели. Я поймала этого петуха, а когда отрезала ему голову, тут меня и увидел Лавр Георгиевич. Как заорёт: «Где взял? Купил? Нет? Под арест!»

– Так ты голодная, второй день? – удивился Боровский.

– Так точно.

– Безобразие. Ну, продолжай.

– Что продолжать? Всё. Я бы заплатила, да чем? – развела руками Софья.

– И так, господин казак, – сказал подполковник Глебов, обращаясь к хозяину петуха, – вас устроит некая компенсация за вашу птицу?

– Что? – не понял хозяин петуха.

– Да какой он казак? – сказал сотник Абрамов, он, опираясь левой рукой на шашку, скручивал цигарку. – Иногородний. Сыны-то где?

– А Бог их знает, господин казак. Были в армии.

– Значить – у большевиков, – уверенно сказал сотник. – Земельку им пообещали большевики. А где они её возьмут? У нас!

– Так хочется, что бы всё по справедливости было. Что бы у всех всё поровну было – робея, не уверенно сказал иногородний.

– Поровну? А земля-то, она не ровная, она бугристая. Мы, казаки, эту земельку кровью поливали! От татар да турок её отбивали! А вы пришли незнамо откуда – и теперь – поровну! Ну, хорошо. Разделим мы её поровну. Пшеницу засеем. У тебя, положим, на пригорке, а у меня в низинке. А лето жаркое. У тебя урожай сгорел, а у меня нет. И что? Ты, мужик, ко мне придёшь моё добро отбирать?

– Не знаю, – честно сказал мужик, – но должно всё по справедливости быть.

– Сейчас не об этом, Андрей Николаевич, – не дал казаку ответить Боровский.

– А о справедливости, – сказал Глебов и достал из брюк портсигар. – Не знаю, золотой или нет, но австрийский, трофейный. Положите сюда вашу цигарку, Андрей Николаевич.

Сотник с неохотой повиновался. Глебов захлопнул портсигар и протянул его мужику:

– Вас устроит это за петуха, любезнейший? Или вы будете настаивать на казни прапорщика?

– Казнить за птицу? Девку? Да Бог с вами, ваше благородие. И этой штуки мне вашей не надо. Даром берите.

– Нет, даром нельзя. Главнокомандующий запрещает. Так что? Берёте?

– Беру. Куда деваться? Может, обменяю эту штуку на петуха. Хотя и сомнительно. Петух в хозяйстве нужен.

– Так он же яйца не несёт? – удивилась Софья. – В хозяйстве не очень что б очень нужен.

Все заулыбались, а Боровский спросил:

– Вы поэтому и взяли петуха, Софья Николаевна, что он не несётся?

– Да.

– Так, барышня, – развёл руками мужик, – без петуха по весне цыпляток не будет.

Баронесса покраснела.

– Ничего, – зло сказал сотник Абрамов – надо будет, сам своих курей потопчешь.

Баронесса покраснела ещё больше.

– Давайте без пошлости, сотник, – одёрнул казака Глебов и мужику, – и так, покупка состоялась?

– Да, – с неохотой сказал мужик и взял портсигар.

– Тогда пишите расписку, что за петуха заплачено сполна и претензий не имеете.

– Что не имею?

– Ну, что ты всем доволен.

– Да не всем я доволен. Петуха-то нет.

– Так обменяешь на портсигар, – возмутился Абрамов, – за него ты трёх петухов получишь. Пиши расписку, а не то я тебя шашкой полосну.

– Это вы можете, – недовольно пробурчал мужик и сверкнул злобным взглядом, – чего доброго, а это можете.

– Дайте ему бумагу, Александр Александрович – сказ Глебов.

Мужику дали бумагу и химический карандаш, он сел за стол и, слюнявя грифель, очень медленно с трудом написал расписку печатными буквами.

– Вот и славно, – сказал Боровский, прочитав бумагу, – можете быть свободны.

Мужик, что-то ворча под нос удалился.

– Но господа, – сказал Боровский, – у нас тут суд чести, а не торговля петухами. Прапорщика мы обязаны наказать и доложить о выполнении главнокомандующему армии.

– Но не повесим же мы её, в самом деле, генерал? – сказал полковник Зимин. Он положил ногу на ногу и качал правой ногой, полу оторванный каблук хлопал по подошве сапога.

– Прекратите вы чертей качать, полковник, – сказал Боровский, – и сделаете что-нибудь со своим каблуком. И предлагайте дело!

– А что я с ним сделаю? Если прапорщику верёвка не пригодиться, то отдайте её мне. Я ею сапог подвяжу.

– Это не поможет, – сказал Абрамов.

– А что поможет?

– Отставить о сапогах, господа! – скомандовал Боровский. – Что Лавру Георгиевичу ответим?

– Что наказали, – ответил Глебов.

– Как?

– Гауптвахтой, – подсказал Мазарович. – Десять суток. Запрём в сарае, натаскаем сена. Барышня хотя бы отоспится в тепле.

– Какие десять суток, штабс-капитан? Мы послезавтра выступаем.

– Хорошо, сутки. Но написать-то мы можем десять. Бумага всё стерпит.

– Да и в походе, можно считать, что она под арестом, – сказал Глебов.

– Правильно, – согласился с ним сотник. – Софья Николаевна, а как вы в седле держитесь.

– Ещё недавно думала, что хорошо, – улыбаясь, сказала Софья, – а прошлым летом упала с седла, сломала ногу.

– Пустое. Бывает. Гершельман просил ему ординарца подыскать. Я замолвлю словечко.

– Очень вам буду благодарна, Андрей Николаевич, – улыбнулась баронесса.

– Сочтёмся, Софья Николаевна.

– Господа, да холодно ей в сарае-то будет, – сказал Петровский. – Дождь вон идёт. Сыро и холодно.

– А у нас в Урюпинской наверное снег валит, – вздохнул сотник Абрамов.

– Тогда в бане, – сказал Зимин. – Натопим баню. Она там помоется, отоспится в тепле. Давно не были в бане, Софья Николаевна?

– Давно, – кивнул прапорщик.

– Женщине в бане одной нельзя, – хмуро сказал сотник, – банник может обидится и навредить как-нибудь.

– Неужели вы верите в эти суеверия, сотник? Домовой, банник. К тому же она не по своей воле, баннику всё можно объяснить. Он поймёт.

– Можно, конечно, – согласился Абрамов.

– Что ж, прекрасно, – обрадованно сказал Боровский, – если все согласны, то так и напишем.

Все согласились, стали расходиться.

– А петух-то улетел, – вдруг сообщила Соня.

– Как улетел? – удивился Боровский.

– Как? – пожала плечами Софья. – Взял и улетел.

– Значить зря вы, подполковник, – сказал Боровский Глебову, – свой портсигар этому мужику отдали.

– Да ладно вам, Александр Александрович, – сказал Глебов, – наверняка его кто-нибудь из наших поймал и съел. Что мне портсигар, что ли жалко для снабжения армии? Алексеев вон своих денег не жалеет и то ничего.

– Это правда, – сказал Зимин, – если жизни не жалеем, что о портсигаре горевать?

– Пойдём в сотню, Виктор Витальевич, – сказал Абрамов, – подкуём тебя.

– Что я лошадь что ли?

– Не важно, а сапог твой починим.

Прапорщика де Боде отвели в баню. Баню истопили, баронессу накормили, она помылась, привела себя в порядок и проспала в тепле целый день. А вокруг бани под дождём одиноко бродил Петя Тулупов, умоляя часового пустить его к арестованной хотя бы на секундочку.

3

Ночью к Корнилову прибыл гонцы от Глазенапа. Они принесли дополнительные сведения о Попове и о его зимовке в Сальских степях. Сведения были не утешительные к огорчению главнокомандующего. Казаки Попова отбивались от плохо вооружённых, но многочисленных отрядов красных, условия на зимовьях отвратительные и к отдыху Добровольческой армии не пригодные. Корнилов собрал малый совет, объяснив обстановку, спросил:

– Что решаем? У нас два пути. Первый, это двигаться на Екатеринодар, а второй, – это перевалить Кавказские горы и там распустить армию.

В характере Корнилова присутствовала некоторая неуверенность. Он долго не мог принять окончательного решения, возвращаясь постоянно к разным вариантам, ему нужен был толчок извне и, тогда, он принимал окончательное решение как своё и уже больше от него не отступал. Вот и на этот раз: он никак не мог принять окончательного решения – куда двигать армию. Большинство присутствующих на совещании генералов знали об этой особенности главнокомандующего и особливо удивлены не были.

– Лавр Григорьевич,– начал Алексеев, – армия ещё даже не начала борьбы. Мы даже ещё ни разу не вступили в бой с красными. Мелкие стычки, я думаю, не в счёт. И то мы их выиграли! Да переход ужасен. Мешается обоз с гражданскими лицами, сказывается отсутствие кавалерии, а, значить, и разведки, мало боеприпасов. По слухам, в Москве и Питере назревают некие события и вывести в это время из строя, пусть слабую и усталую Добровольческую армию, означает только то, что она может навсегда утратить своё значение в решении общегосударственной задачи. С потерей армии мы теряем надежду на возрождение России.

– Просто распустить армию, – сказал Марков, – собрать будет гораздо тяжелее.

– А что скажете, вы, Антон Иванович, – Корнилов посмотрел на Деникина.

Деникин сидел какой-то отрешённый. Он посмотрел на главнокомандующего усталыми глазами и произнёс:

– А Ольгинской мы решили двигаться на Екатеринодар. Разве нет?

– Тем более,– сказал генерал Романовский, – что сведения, полученные от Глазенапа, свидетельствуют о не возможности принятия другого решения.

Корнилов тяжело посмотрел на генералов и нехотя согласился:

– Хорошо, господа. Но прошу учесть, что большая часть наших войск состоит из выходцев с Дона. Как они отнесутся к уходу от родных мест?

– Кубань – тоже Россия, – возразил Алексеев. – Там мы отдохнём, наберёмся сил. Очистим Кубань от большевицкой заразы. Я думаю, нас поддержат Дон и Терек. А так же Аст-

рахань, горцы Северного Кавказа и Закавказья. Это будут объединённые штаты юга России. Пусть остальная часть России поживёт под большевицким игом. Я уверен, что через два-три года они поднимут восстания и присоединятся к нам! Лет через пять вся Россия объединиться. Это будут Свободные Штаты Российской Федерации!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.